

Альфия Ляпина

РВП ВМЕСТО СТАТУСА БЕЖЕНЦА: ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СИРИЙСКИХ ЧЕРКЕСОВ-БЕЖЕНЦЕВ В РОССИИ

С 2011 г. около шести млн человек выехали из Сирии в поисках убежища. Россия не числится среди стран-лидеров, принимающих сирийских беженцев, но в нее направились переселенцы, имеющие в стране социальные связи и социальный капитал. Одна из таких групп – сирийские черкесы (адыги), искавшие убежище на своей исторической родине в Республике Адыгея. Законодательство в области убежища в России позволяет вынужденным мигрантам получать статус беженца при объективных на то причинах, но на практике оно не реализуется в полной мере. Лишь дважды с 2011 г. вынужденные мигранты из Сирии смогли получить статус беженца. При этом часть сирийских беженцев-черкесов, переехавших в Россию в 2013–2019 гг., используя возможности своей социальной сети, получили статус РВП. В статье описывается положение беженцев в России в целом, в том числе, сирийских, и с помощью стратегии кейс-стади показывается, каким образом происходило обустройство и получение миграционных статусов у сирийских черкесов и какую роль при этом играли социальные сети и социальный капитал. Методы исследования – включенное наблюдение, глубинные интервью, анализ документов. Теоретическими рамками исследования являются концепция социального капитала и теория социальных сетей мигрантов. Благодаря обладанию устойчивой сетью, производящей социальный капитал, правовое положение сирийских черкесов можно назвать более благополучным, чем многих других беженцев в России, – региональные власти Адыгеи создали возможности для получения переселенцами статуса РВП. При этом из-за несовершенства системы приема мигрантов из дальнего зарубежья и развития теневого сектора у многих «накопились»

Альфия Рашидовна Ляпина – магистр социологии (демографии), стажер-исследователь Научно-учебной лаборатории социально-демографической политики, Институт Демографии им. А. Г. Вишневского, НИУ ВШЭ, Москва, Россия; Пре-докторальный исследователь, Центр исследований России, Восточной Европы и Центральной Азии (CREECA), Университет Висконсина в Мэдисоне, США. Электронная почта: alfa.lyapina@gmail.com

административные штрафы, и переселенцам пришлось ходатайствовать о временном убежище или воспользоваться возможностями социальной сети для выездов в Абхазию с целью получения гражданства этой страны и повторного въезда в Россию.

Ключевые слова: социальные сети, Сирия, Северный Кавказ, беженцы, убежище, миграционная политика России

DOI: 10.17323/727-0634-2022-20-3-521-536

Численность лиц, ищущих убежище, беженцев и внутриперемещенных лиц в мире резко увеличилась с 2014 г. с 46,7 млн человек до 79,5 (UNHCR 2015–2020). Самая большая группа из них (6,6 млн) – граждане Сирии, которые с 2011 г. переселялись в приграничные с ней арабские страны и Иран, меньшая часть – в страны ЕС. Россия не числится среди стран-лидеров, принимающих сирийских беженцев, хотя и является одной из стран, ратифицировавших в 1992 г. Женевскую Конвенцию о статусе беженцев 1951 г., таким образом «официально подтвердившей свою приверженность международным принципам по защите лиц, ищущих убежище» (Иванова 2009: 211). Сразу после подписания был принят федеральный закон «О беженцах» (ФЗ № 4528–1 от 19.02.1993), согласно которому лица, ищущие убежище в России, могут ходатайствовать о статусе беженца или временном убежище.

Статус беженца гарантирует практически те же права, которые имеет гражданин России, но на практике представляется практически невозможным его получить (Буртина и др., 2015; Комитет «Гражданское содействие» 2016, 2018, 2019; Денисенко, Чудиновских 2017). Например, в 2014 г. о нем ходатайствовало 6976 человек, но получило только 254 человека, а в 2015–112 человек из 1358 запросивших (ФМС 2012–2016). Наиболее частыми причинами отказов становятся требование миграционных органов доказательств прямого преследования (которые чаще всего невозможно предоставить) и незаконное нахождение лица, ищущего убежище на территории России на момент подачи заявления. Это происходит потому, что отсутствуют сервисы информирования о процедуре получения убежища в России, прав и обязанностей лица, ищущего убежища в процессе прохождения процедуры. Немного легче получить статус «временное убежище», которое дается сроком до одного года и дает право на трудовую деятельность и медицинскую помощь, но его получение или продление также проблематично. Иногда для обеспечения своей безопасности беженцам приходится жить и работать в России незаконно. Несмотря на это, вынужденные мигранты оказываются в России по причине наличия социальных связей, желания через Россию уехать в страны ЕС или возможности проще получить визу, чем в другие страны. Многие из них затем «застревают» в неопределенном правовом положении, ввиду чего

не получают финансовую, социальную и медицинскую помощь и оказываются уязвимы экономически, а их обустройство и интеграция полностью отдаются на откуп их собственной социальной сети.

Граждане Сирии, искавшие убежище в России, не стали исключением. Только двум сирийцам удалось получить статус беженца с момента начала военных действий в 2011 г. (Росстат 2020). Временное убежище в 2015 г. получили 1924 человека, но на конец 2019 г. остался 591 человек (там же). Опрошенные эксперты связывают это с официальным объявлением руководства страны о выводе российских войск из Сирии в 2016 г. (Коммерсантъ 2016).

Одной из категорий граждан Сирии, ищущих убежище в России, стали сирийские черкесы (адыги), численностью около трех тыс. человек (ГУВМ МВД 2019). Республики Адыгея, Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия являются для адыгов исторической родиной. В 1860 гг. большая часть адыгов была вынуждена выехать в Османскую Империю после захвата Российской империей территорий их проживания в результате Кавказской войны. Сирийские черкесы, прибывшие в Адыгею в настоящий момент, воспользовались поддержкой принимающей стороны в лице региональной власти Республики Адыгея, черкесских транснациональных организаций и дальних родственников, живущих в Адыгее (см., Shami 1998). Тесно взаимодействуя с черкесскими НКО, региональная власть обеспечила граждан Сирии приглашениями для получения визы в Россию, а также информационной и небольшой финансовой поддержкой в процессе получения переселенцами статусов «разрешение на временное проживание» (РВП) и «вид на жительство» (ВНЖ), так как для получения статусов беженца этого ресурса было недостаточно. РВП в таких условиях становится наиболее перспективным статусом с точки зрения доступа к натурализации: так появляется возможность получить ВНЖ при определенных условиях, а затем и российское гражданство.

Предварительное исследование показало, что социальная сеть черкесов в диаспоре была наиболее устойчивой в сравнении с другими сообществами беженцев, приезжающих в Россию. Исследовательский вопрос этой статьи: какие миграционные статусы в таких обстоятельствах вынужденные мигранты стремятся получить, какие стратегии выбирают для достижения этой цели, и какую роль социальные сети и социальный капитал играют в их первичном обустройстве?

Методы исследования

Теоретическими рамками исследования являются концепция социального капитала Пьера Бурдьё (Bourdieu 1986) и теория социальных сетей мигрантов (MacDonald, MacDonald 1964; Tilly, Brown 1967; Choldin 1973), получившая широкое развитие в трудах Дугласа Мэсси. Его работы

определяли социальную сеть как межличностные связи мигрантов с ранее переехавшими мигрантами и немигрантами, способствующие производству социального капитала (Massey 1987; Massey, Espana 1987; Massey et al. 1993; Lamba, Krahn 2003; Palmgren 2017; Varshaver, Rocheva 2020). Согласно Бурдьё (1986), социальный капитал – это «совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью (durable networks) более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания – иными словами, с членством в группе» (Bourdieu 1986: 248; Häuberer 2011).

Тема положения лиц, ищущих убежище в России, была особенно популярна среди российских исследователей в 1990-е и 2000-е гг., которые характеризовались многочисленными потоками беженцев из постсоветских стран и внутриперемещенных лиц из северокавказских республик (Мкртчян 2002; Зайончковская, Витковская 2009; Иванова 2009). Вместе с прекращением вооруженных конфликтов в этих регионах в начале 2000-х гг. интерес к теме снизился, а затем стал возрастать с началом украинского (Баранов 2013; Кузнецова 2018; Mukomel 2017; Kuznetsova 2020) и сирийского кризисов ввиду увеличения численности прибывающих в Россию беженцев из этих регионов. Проводились исследования в области устройства российского законодательства, которые частично охватили проблемы, связанные со сложностью получения статусов (Kubal 2016; 2019; Denisova 2018), в том числе сирийских черкесов (Иванов и др.; 2019 Кушхабиев 2012; 2013). Положение беженцев в своих докладах также освещает благотворительная организация помощи беженцам Комитет «Гражданское содействие» (Буртина и др. 2015; Комитет «Гражданское содействие» 2016, 2018, 2019).

Используя стратегию кейс-стади, применены смешанные методы исследования. Включенное наблюдение проводилось в Майкопе и близлежащем поселке Мафехабль, основанном для проживания черкесских репатриантов, вынужденно перемещенных из Косово в 1998–1999 гг. Я поселилась в доме одного из местных жителей в Майкопе – представителя репатриантов-черкесов, который имел широкие социальные связи с беженцами из Сирии и стал проводником к тем информантам, которые не были связаны с официальными лицами. При этом также опрошены информанты, рекомендованные представителями органов региональной власти. Такая стратегия поиска дала наиболее объективное представление о положении сирийских черкесов в Адыгее. Основными местами наблюдения стали дома репатриантов, кафе, рестораны, ателье, рыночные палатки, где сирийские репатрианты работают по найму или владеют ими. Глубинные интервью проведены с беженцами (N=28), сотрудниками НКО и государственных организаций, экспертами в области вынужденной миграции (N=6). Также были использованы метод анализа документов (отчетов НКО, федерального и регионального законодательства) и метод дескриптивной статистики на базе данных Росстата и неопубликованных данных ГУВМ МВД (ФМС до 2016 г.).

«Никак не подходят они под статус беженца». Силы региональных властей и НКО Адыгеи в преодолении барьеров на пути к РВП и ВНЖ

Прежде чем переезжать в Россию, в 2011–2012 гг. сирийские черкесы направляли коллективные письма-обращения региональным властям Адыгеи и президенту России Д. А. Медведеву с просьбой о помощи в возвращении на историческую родину в связи с гуманитарной катастрофой (Нефляшева 2012), ссылаясь на федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» (№ 99-ФЗ от 24.05.1999) и Конституцию Республики Адыгея (ст. 10). В 2012 г. Советом Федерации была организована экспедиция в Дамаск, результатами которой стали предложения Правительству РФ по оптимизации процесса переезда черкесов на Северный Кавказ. Постепенно черкесы начали переезжать в Россию самостоятельно, пользуясь помощью черкесских объединений и региональных органов власти, которые оформляли приглашения для виз для соотечественников из Сирии и тем самым становились основным источником укрепления связей в социальной сети. Вначале на этом уровне планировалось содействовать сирийцам в прошениях статусов беженца, но опрошенные эксперты отмечали, что такой возможности региональные органы власти не получили: *«Нам сказали, что статус беженца мы давать не сможем. <...> Нам категорически запретили это название, сказали, что никак не подходят они под статус беженца»* (м., эксперт, 2019).

По этой причине региональные власти в сотрудничестве с НКО выработали устойчивый механизм информирования и помощи прибывающим соотечественникам по процедуре получения РВП в рамках квоты республики. Так, по Распоряжению главы Республики Адыгея (2012) Аслана Тхакушинова была образована правительственная Комиссия по координации работы по поддержке соотечественников под представительством премьер-министра республики. В нее вошли представители всех региональных министерств, *«чтобы органы власти знали непосредственно, чем живут <...> и с какими трудностями сталкиваются соотечественники»* (м., сотрудник НКО, Майкоп, 2019). В рамках комиссии приняты решения о бесплатных медицинских анализах для заявления на РВП в поликлиниках для лиц с гражданством Сирии, об открытии бесплатных курсов русского языка в Республиканской гимназии для успешной сдачи экзаменов на получение статусов РВП и ВНЖ.

Кроме того, граждане Сирии, которые обращались в НКО «Центр адаптации репатриантов» («ЦАР»), получали информационную помощь на доступном им языке (адыгейском или арабском), разовую финансовую помощь в оформлении необходимых документов и содействие самым уязвимым группам в решении проблемы регистрации по месту проживания.

ния. «ЦАР» выступил основным актором помощи репатриантам от лица государственных организаций и НКО и аккумулировал ресурсы «Адыгэ-Хасэ – Черкесского парламента» и «Фонда помощи репатриантам "ДАР"», через которые поступали пожертвования от местного населения, меценатов и представителей черкесской диаспоры за рубежом.

«ЦАР» предоставлял наиболее уязвимым группам беженцев возможность проживания в помещениях, принадлежащих центру и, соответственно, регистрацию по месту жительства: на август 2019 г. там было зарегистрировано 43 человека. За 2018 г. и до августа 2019 г. в «ЦАР» поступило более 400 обращений: 140 – по вопросам миграционного законодательства, 50 – по постановке на миграционный учет, 115 – по подаче заявлений на РВП и ВНЖ. Помощь в подготовке документов была оказана 28 заявителям для получения РВП и 68 – для получения ВНЖ. Выпущена «дорожная карта» и памятки, в которых разъясняется порядок действий для соотечественников за рубежом, желающих переехать в Адыгею. Прослеживается, как доступ к информации о возможности получения статусов являлся «совокупностью реальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью» (Bourdieu 1986: 248), доступ к которой распространялся благодаря членству в группе.

Однако в 2011–2013 гг. оказываемая поддержка не была столь структурирована, некоторые переселенцы обходились собственными связями, которые, как описывал в своих работах по мексиканской миграции Мэсси, были доступны им благодаря возможностям сети, расширяющейся в процессе постепенного переселения (Massey 1987). Выработанные механизмы позволяли преодолеть далеко не все недостатки приема мигрантов из дальнего зарубежья. Например, ввиду незнания русского языка переселенцы зачастую не понимали рекомендации сотрудников миграционной службы и впоследствии получали штрафы за «нарушение <...> режима пребывания (проживания)» (ст. 18.8 КоАП) и подвергались угрозе выдворения. Выплатить штрафы для многих выходцев из Сирии было проблематично, так как в первое время после переезда они находились в уязвимом экономическом положении.

«Были еще добрые сирийцы, которые прописывали у себя по 60 человек». Социальные сети и социальный капитал на пути к получению статусов

Некоторые семьи получили в качестве подарков «от рода», от меценатов или во временное пользование от родственников дома в ауле Панахес и оформили регистрацию по месту жительства, а арендовавшим квартиры в Майкопе пришлось регистрироваться в квартирах знакомых:

После получения РВП есть семь рабочих дней, чтобы оформить [регистрацию]. Конечно, [арендодатели] не хотели у себя прописывать.

Пытались найти, у кого прописаться дней 15, не успевали, опять получали штрафы. Были еще добрые сирийцы [переехавшие до начала войны в Сирии], которые прописывали у себя по 60 человек. К ним стали приходить и выписывали штрафы (м., 27 л., переселенец из Сирии, Майкоп, 2019).

По мере расширения социальной сети ранние переселенцы (2012–2013 гг.) стали оказывать помощь прибывающим позднее. Один из респондентов отметил, что несколько раз летал за свой счет с другими переселенцами в Москву и помогал с продлением сирийских паспортов в посольстве Сирии (необходимо каждые пять лет). Некоторые стали волонтерами в миграционной службе: *«Когда сирийцы приходят, начинаешь им рассказывать, какие нужны документы, куда их сдавать и так далее»* (м., 24 г., переселенец из Сирии, Майкоп, 2019).

Также со временем прибывающие сирийцы получили информационную поддержку и помощь по оформлению документов в местах работы и досуга, которые открывали их соотечественники, переехавшие до войны и с началом войны, а также в мечети и группах в интернет пространстве (которые ведутся на русском и арабском языках). Таким образом социальные сети по мере их расширения производили социальный капитал (Bourdieu 1986). И чем сильнее крепились связи социальной сети, тем больше накапливалось социального капитала для более простого и эффективного решения проблем.

Статус «временное убежище» – панацея от квоты, коррупции и украинских беженцев

Со временем переселенцам пришлось ходатайствовать о временном убежище, так как «административного ресурса» в качестве социального капитала группы для безбарьерного получения РВП и ВНЖ хватало не всегда. Во-первых, в помощи по получению РВП региональной власти и НКО приходилось «конкурировать» со сферой неформальных платных услуг, которые переселившимся были «не по карману». Поставщики услуг для желающих получить РВП в Адыгее за определенную сумму еще до приезда иностранца оформляли документы, а по его прибытии помогали обходить бюрократические барьеры на местах:

Миграционная служба работает с девяти утра, а в списке очередь на прием занята уже с шести. Например, если я приеду туда в восемь, то буду 25–30 в списке, может, я уже не успею. Они [поставщики услуг] рано приезжают, записывают туда «своего» человека и отсчитывают время. <...> Нет проблем, когда есть деньги: переводы готовы, заверенные нотариусом, фотографии. А тем, которые здесь живут, нужно и пойти на работу, и пойти занять очередь (м., 27 л., переселенец из Сирии, Майкоп, 2019).

Другую неформальную схему респонденты обозначили как «умную коррупцию», так как она осуществлялась не сотрудниками миграционной

службы, а посредниками, просившими передвинуть в очереди на места по квоте на РВП фамилии, «которым нужнее». Со временем соотечественников из Сирии стало прибывать все больше, и мест в рамках квоты на РВП перестало хватать. Кроме того, в 2014–2015 гг. резко увеличились потоки беженцев из Украины. Часто они также старались получать временное убежище или РВП в России: *«Они к нам приехали на автобусах из Краснодарара, оформили здесь свои документы, заняли места по квотам и уехали. Если бы они остались здесь поработать, я не против, они имеют полное право, как и мы»* (м., 24 г., переселенец из Сирии, Майкоп, 2019). Поэтому переселенцы из Сирии ходатайствовали о получении временного убежища и (в отличие других контингентов сирийских беженцев в России) получали его практически беспрепятственно и продлевали по истечении срока: *«Сестра приехала в 2016 году, и только в 2018 получила РВП. Два года приходилось оформлять временное убежище. Ей продлевали три раза»* (м., 27 л., переселенец из Сирии, Майкоп, 2019).

Получение гражданства Абхазии – панацея от остановки выдачи временного убежища

К определенному моменту сирийцы были вынуждены выезжать в Абхазию для получения гражданства Абхазии по причинам накопившихся административных штрафов, весомых затрат на поездки в Москву для получения документов в посольстве Сирии и остановки выдачи временного убежища в 2016 г. Административные штрафы появлялись за нарушение «режима пребывания (проживания)» ввиду невозможности оформить регистрацию по месту проживания в срок или получения необходимой информации в миграционной службе:

В миграционной службе сказали, что раз дети родились в России, то получают гражданство. <...> Потом через шесть месяцев приходит штраф на имя мужа о том, что у детей нет регистрации. А как [ее] поставить, если нет сирийского паспорта? Пошли платить штраф, а нас спрашивают, где миграционная карта детей. Спрашиваю: «А откуда взять миграционную карту, если они тут родились?» <...> В общем, четыре штрафа у мужа было, и уехал он в Абхазию (ж., 27 л., переселенка из Сирии, Майкоп, 2019).

Кроме того, было необходимо получать справку о несудимости в посольстве, но со временем ее переставали выдавать молодым людям, не служившим в армии: *«Если я туда прилечу, меня прямо сразу заберут [в армию], хоть я уже и гражданин России. А тем более если не гражданин»* (м., 19 л., переселенец из Сирии, Майкоп, 2019). Затем сирийские черкесы как граждане Абхазии подавали заявки на РВП. Респонденты отмечают, что потеряли время – чаще всего в Абхазию выезжали те граждане Сирии, которые некоторое время жили в России с РВП или ВНЖ и им приходилось начинать

«путь» заново: *«Стоит дешевле, чем вернуться в Сирию»*. Эксперты объясняют остановку выдачи временного убежища тем, что в 2016 г. В. В. Путин объявил об окончании военных действий в Сирии (Коммерсантъ 2016).

Представители региональной власти стали обращаться в правительство РФ с просьбой об увеличении мест по квоте на РВП. Среди сирийских черкесов было немало тех, кто уже имел российское гражданство до переезда в Россию, а также помог получать его членам своей семьи:

Мой дядя жил в Москве около 25 лет. У него уже есть гражданство <...>. Когда бабушка приехала сюда [до войны в Сирии], получила гражданство с помощью сына. А с помощью бабушки получила гражданство мама, а через маму – я (м., 24 г., переселенец из Сирии, Майкоп, 2019).

Также в Россию переезжали черкесы, которые получали высшее образование в Советском Союзе и без особенных трудностей получили гражданство России, сдав экзамены по русскому языку на уровень РВП, а затем ВНЖ, а затем их родственники:

В 1991 году был издан закон [Закон РСФСР «О гражданстве Российской Федерации» от 28.11.1991 действовал до 2002 года], что те, кто уехал с территории СССР, могут получить паспорт России. <...> Некоторые тогда не смогли его получить, потому что нужно было заплатить 11 тысяч сирийских лир (м., 67 л., переселенец из Сирии, Майкоп, 2019).

Согласно данным МВД РА большинство сирийцев получали РВП в 2012–2013 гг., а статус ВНЖ стал более востребованным к 2014 г. При этом временное убежище граждане Сирии получали значительно реже. Чаще всего – в 2013 и 2015 гг. Так, в сумме за все годы статус РВП гражданам Сирии был выдан миграционными органами республики 911 раз, ВНЖ – 626 раз и гражданство РФ – 164 раза (к августу 2019 г.).

Заключение

Исследование подтвердило, что статус беженца в России получить практически невозможно, несмотря на международные обязательства и национальное законодательство, которое предоставляет лицам, ищущим убежища, возможность ходатайствовать о статусе беженца и при указанных причинах, получить его. Ввиду этой невозможности вынужденные мигранты ходатайствуют о временном убежище сроком на год, получить и продлить которое также крайне сложно даже при юридической поддержке НКО, мигрировавших ранее сирийских черкесов на историческую родину, региональных органов власти. В качестве аргументов при отказах чаще всего приводятся факты, юридически не связанные с причинами, отраженными в законодательстве, а в качестве объяснения политики в отношении приема беженцев в целом – недостатком финансовых средств для приема. В итоге

обустройство, адаптация и интеграция лиц, ищущих убежище в России, практически полностью ложится на их плечи и зависит от имеющегося в их распоряжении социального капитала, который производится в процессе образования и укрепления связей социальной сети.

Если сирийским черкесам удалось урегулировать правовой статус и наладить свою жизнь, то благодаря принадлежности к группе по этническому признаку. При этом они минимально выходили за рамки закона. Социальная сеть в первую очередь может хорошо проинформировать о возможностях получения РВП в рамках квоты, а также уточнить процедуру получения финансовой поддержки от региональных властей.

Помимо приема беженцев можно также сделать вывод и о приеме мигрантов из дальнего зарубежья в целом. Она является несовершенной, во-первых, ввиду недостаточной квалификации кадров миграционной службы в области ведения межкультурной коммуникации и квалифицированного перевода языков выходцев из стран дальнего зарубежья. Во-вторых, существование квоты на получение РВП служит не только причиной появления новых препятствий для мигрантов из дальнего зарубежья «на пути» получения статусов, но и является фактором развития теневого сектора и коррупции в этой области и вынуждает мигрантов и беженцев прибегать к неформальным практикам урегулирования правового положения, а получение доступа к ним становится одной из функций социальной сети. Можно предположить, что беспрепятственное получение статуса беженца ходатайствующими на его получение могли бы существенно улучшить правовое положение лиц, ищущих убежище в России, а государство получило бы возможность реализовать возложенные на него обязательства по приему беженцев. Отсутствие квот на РВП могло бы улучшить положение мигрантов из дальнего зарубежья в целом и предотвратить появление неформальных практик в области получения этого статуса, что также существенно повысило потенциал для интеграции мигрантов в принимающее российское общество.

Выражение признательности

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Автор выражает глубокую признательность научному руководителю, ординарному профессору, директору Института Демографии НИУ ВШЭ им. А. Г. Вишневого Денисенко Михаилу Борисовичу за поддержку. Автор благодарит руководителя Группы исследований миграции и этничности, старшего научного сотрудника РАНХиГС, доцента кафедры анализа социальных институтов НИУ ВШЭ Евгения Александровича Варшавера за консультации. Автор признателен Анне Городецкой, юристу благотворительной организации «Комитета «Гражданское содействие» на момент проведения исследования, за разъяснения функционирования российского законодательства в области убежища. А также доценту

и научному сотруднику Института Демографии им. А. Г. Вишневого Козлову Владимиру Александровичу и всем анонимным экспертам и респондентам, принявшим участие в исследовании и предоставившим пространство для включенного наблюдения, анонимному рецензенту и редактору.

Материалы для анализа

Закон РСФСР (1991) *О гражданстве Российской Федерации* от 28.11.1991.

КоАП (2001) *Кодекс Российской Федерации* Об административных правонарушениях № 195-ФЗ от 30.12.2001 г.

Комитет «Гражданское содействие» (2016) *Сирийские беженцы в России*. Доступно по ссылке: <https://refugee.ru/dokladyi/sirijskie-bezhentsy-v-rossii/> (дата обращения: 1 февраля 2021).

Комитет «Гражданское содействие» (2018) *Мособлсуд рекомендовал МВД изучить информацию о Сирии, прежде чем отказывать сирийцам в убежище*. Доступно по ссылке: <https://bitly.su/RkXi> (дата обращения: 1 февраля 2021).

Комитет «Гражданское содействие» (2019) *Обзор статистики судебных решений о выдворении из РФ*. Доступно по ссылке: <https://refugee.ru/dokladyi/kratkij-obzor-statistiki-sudebnyh-reshenij-o-vydvorenii-iz-rf/> (дата обращения: 1 февраля 2021).

Распоряжение Главы Республики Адыгея (2012) № 77-рг от 02.05.2012.

Коммерсантъ (2016) *Россия начинает вывод войск из Сирии*. Доступно по ссылке: <https://www.kommersant.ru/doc/2937878> (дата обращения: 30 октября 2022).

Росстат (2020) *Численность вынужденных переселенцев, беженцев и лиц, получивших временное убежище*. Доступно по ссылке: <https://bit.ly/2OL09uc> (дата обращения: 1 февраля 2021).

УВКБ ООН Россия (1992) *Руководство УВКБ ООН по процедуре и критериям определения статуса беженцев*. Доступно по ссылке: <https://bit.ly/2ZCP0xD> (дата обращения: 1 февраля 2021).

ФМС (2011–2016), УВМ МВД (2016–2018) *Численность граждан Сирии, Иордании, Турции, получивших РВП, ВНЖ, временное убежище и гражданство РФ в Республике Адыгея* (неопубликованные данные).

ФМС (2012–2016) *Численность лиц, ходатайствующих о получении статуса беженца/признания беженцем и получивших статус беженца/признанные беженцем* (неопубликованные данные).

Федеральный закон (1993) *О беженцах* № 4528–1 от 19.02.1993 (ред. от 26.07.2019)

Федеральный закон (1999) *О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом* № 99-ФЗ от 24.05.1999.

UNHCR (2015–2020) *Global Trends. Forced Displacement*. Available at: <https://bit.ly/3u1ep2c> (accessed 1 February 2021).

Список источников

- Баранов А. В. (2013) Проблема репатриации сирийских черкесов на российский Кавказ: политико-конфликтологический аспект. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, (2): 27–35.
- Буртина Е. Ю., Коростелева Е. Ю., Симонов В. И. (2015) *Россия как страна убежища. Доклад об исполнении Российской Федерацией Конвенции о статусе беженцев 1951 года*. М.: Ваш Формат.
- Зайончковская Ж. А., Витковская Г. С. (2009) *Постсоветские трансформации: отражение в миграциях*. М.: АдамантЪ.
- Денисенко М. Б., Чудиновских О. С. (2017) Причины нереализации положений Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации. *Демоскоп Weekly*, 753 – 754. Доступно по ссылке: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0753/analit01.php> (дата обращения: 17 мая 2020).
- Иванов Е. А., Исаев Л. М., Коротаев А. В., Шишкина А. Р. (2019) Миграционное эхо сирийского конфликта в регионах юга России. На примере Карачаево-Черкесской республики. *Полития*, 92 (1): 167–185.
- Иванова Т. Д. (2009) *Афганцы в Москве: интеграционный потенциал. Иммигранты в Москве*. М.: Три квадрата.
- Кузнецова И. Б. (2018) Беженцы из Украины: миграционная политика и повседневность. *Журнал исследований социальной политики*, 16 (4): 577–594.
- Мкртчян Н. В. (2002) Десятилетие вынужденной миграции в России. *Демоскоп Weekly*, 71–72. Доступно по ссылке: <http://www.demoscope.ru/weekly/2002/071/tema01.php> (дата обращения: 17 мая 2020).
- Кушхабиев А. В. (2012) Конфликт в Сирии и черкесская диаспора. *Азия и Африка сегодня*, (7): 16–19.
- Кушхабиев А. В. (2013) *Проблемы репатриации и адаптации сирийских черкесов в республиках Северного Кавказа в 2013–2014 годах*. Нальчик: Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН.
- Нефляшева Н. (2012) *Сирийские черкесы и проблема репатриации. Московский центр Карнеги*. Доступно по ссылке: <https://bitly.su/mCgmvyu> (дата обращения: 1 февраля 2021).
- Bourdieu P. (1986) The Forms of Capital. In: J. Richardson (ed.) *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. Westport, CT: Greenwood: 241–258.
- Häuberer J. (2011) *Social Capital Theory. Towards a Methodological Foundation*. Wiesbaden: Springer.
- Denisova A. (2018) A Case Study of the UK and Russia's Approaches to Syrian Refugees. *The International Journal of Human Rights*, 22 (3): 370–392.
- Kubal A. (2016) Refugees or Migrant Workers? A Case Study of Undocumented Syrians in Russia. *Journal of Immigration, Asylum and Nationality Law*, 30 (3): 266–283.

- Kubal A. (2019) *Immigration and Refugee Law in Russia: Socio-Legal Perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kuznetsova I. (2020) To Help 'Brotherly People?' Russian Policy towards Ukrainian Refugees. *Europe-Asia Studies*, 72 (3): 505–527.
- Lamba N. K., Krahn H. (2003) Social Capital and Refugee Resettlement: The Social Networks of Refugees in Canada. *Journal of International Migration and Integration*, 4 (3): 335–360.
- Massey D. S. (1987) *Return to Aztlan: The Social Process of International Migration from Western Mexico. Studies in Demography I*. Berkeley: University of California Press.
- Massey D., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J. (1993) Theories of International Migration: A Review and Appraisal. *Population and Development Review*. 19 (3): 431–466.
- Massey D., Espana F. (1987) The Social Process of International Migration. *Science*, 237 (4816): 733–738.
- Mukomel V. (2017) Migration of Ukrainians to Russia in 2014–2015. Discourses and Perceptions of the Local Population. In: A. Pikulicka-Wilczewska, G. Uehling (eds.) *Migration and the Ukraine Crisis. A Two-Country Perspective*. Bristol: E-International relations publishing: 105–115.
- Palmgren P. (2017) Survival and Integration: Kachin Social Networks and Refugee Management Regimes in Kuala Lumpur and Los Angeles. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 43 (13): 2247–2264.
- Shami S. (1998) Circassian Encounters: The Self as Other and the Production of the Homeland in the North Caucasus. *Development and Change*, 29 (4): 617–646.
- Varshaver E., Rocheva A. (2020) 'Homeland-Rooted' or Acquired in the Receiving Society: How Does the Composition of Migrants' 'Co-Ethnic' Ties Affect Their Patterns of Integration? *Journal of International Migration and Integration*. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12134-019-00742-4>.

TEMPORARY RESIDENCE PERMIT INSTEAD OF A REFUGEE STATUS: THE LEGAL INDETERMINATE OF SYRIAN CIRCASSIAN REFUGEES IN RUSSIA

In this article, I examine how indeterminate the legal statuses of Syrian Circassian refugees are, based on their experience of fleeing Syria after the beginning of war in 2011 to the Republic of Adygea, their historical homeland and one of Russia's regions. Asylum legislation in Russia allows forced migrants to obtain refugee status only if they have sufficient reasons for it. In practice, this system is not effective. Since 2011, Syrian refugees in Russia have only been able to obtain refugee status on two occasions. The article draws on mixed methods, including participatory observation, in-depth interviews with Syrian Circassians who arrived in Russia between 2013–2019 and local and federal experts, and document analysis. I show how, on the one hand, Russia has become a non-accessible context for them on the federal level. Unable to obtain refugee status, Syrian Circassians have taken advantage of the social capital of their compatriots, primarily the regional authorities of the Republic of Adygea. The latter are interested in the safety of refugees and help them to receive Temporary Residence Permits and Residence Permits. Not all Circassians in Adygea are covered by the quota for obtaining TRPs. Many refugees amassed administrative fines in the process of obtaining legal status. For these reasons, migrants pursued various other paths of legal recognition and applied for temporary asylum status while taking advantage of the social capital accumulated within the migrant network to travel to and obtain citizenship in Abkhazia.

Key words: social networks, contexts of reception, legal status, North Caucasus, refugees, resettlement, Russia

DOI: 10.17323/727-0634-2022-20-3-521-536

References

Baranov A. V. (2013) Problema repatriatsii siriyskikh cherkesov na rossiyskiy Kavkaz: politiko-konfliktologicheskii aspekt [The problem of repatriation of Syrian Circassians into the Russian Caucasus: political-conflict aspect]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture], (2): 27–35.

Alfiya Lyapina – Master in Sociology (Demography), Research Assistant at the Scientific-educational Laboratory for Social and Demographic policy, Vishnevskiy Institute of Demography, Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation; Pre-doctoral Research Fellow, Wisconsin Russia Project, Center for Russia, East Europe, and Central Asia (CREECA), University of Wisconsin-Madison, USA. Email: alfa.lyapina@gmail.com

- Bourdieu P. (1986) The Forms of Capital. In: J. Richardson (ed.) *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. Westport, CT: Greenwood: 241–258.
- Burtina, E.J., Korosteleva, E.J., Simonov, V.I. (2015) *Rossija kak strana ubezshishha* [Russia as a Country of Asylum]. Moscow: Vash Format.
- Denisenko M. B., Chudinovskikh O. S. (2017) Prichiny nerealizatsii polozeniy Kontseptsii gosudarstvennoy migratsionnoy politiki Rossiyskoy Federatsii [The reasons for non-implementing the statements of the Concept of State Migration Policy of the Russian Federation]. *Demoskop Weekly*, 753 – 754. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0753/analit01.php> (accessed 17 May 2020).
- Denisova A. (2018) A Case Study of the UK and Russia's Approaches to Syrian Refugees. *The International Journal of Human Rights*, 22 (3): 370–392.
- Ivanov E. A., Isaev L. M., Korotaev A. V., Shishkina A. R. (2019) *Migratsionnoe ekho siriyskogo konflikta v regionakh yuga Rossii. Na primere Karachaevo-Cherkesskoy respubliky* [Migration Echo of the Syrian Conflict in the Regions of Southern Russia. On the Example of the Karachay-Cherkess Republic]. *Politia*, 92 (1): 167–185.
- Ivanova T. D. (2009) *Afgantsy v Moskve: integratsionnyy potentsial. Immigranty v Moskve* [Afghans in Moscow. Potential for integration. Immigrants in Moscow]. Moscow: Tri kvadrata.
- Häuberer J. (2011) *Social Capital Theory. Towards a Methodological Foundation*. Wiesbaden: Springer.
- Kubal A. (2016) Refugees or Migrant Workers? A Case Study of Undocumented Syrians in Russia. *Journal of Immigration, Asylum and Nationality Law*, 30 (3): 266–283.
- Kubal A. (2019) *Immigration and Refugee Law in Russia: Socio-Legal Perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kushkhabiev A. V. (2012) Konflikt v Sirii i cherkesskaya diaspora [The Syrian Conflict and the Circassian diaspora]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa today], (7): 16–19.
- Kushkhabiev A. V. (2013) *Problemy repatriatsii i adaptatsii siriyskikh cherkesov v respublikakh Severnogo Kavkaza v 2013–2014 godakh* [Problems of repatriation and adaptation of the Syrian Circassians in the republics of the North Caucasus in 2013–2014]. Nal'chik: Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN.
- Kuznetsova I. B. (2018) *Bezhtesy iz Ukrainy: migratsionnaya politika i povsednevnost'*. [Refugees from Ukraine: Migration Policy and Everyday Life]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 16 (4): 577–594.
- Kuznetsova I. (2020) To Help 'Brotherly People?' Russian Policy towards Ukrainian Refugees. *Europe-Asia Studies*, 72 (3): 505–527.
- Lamba N. K., Krahn H. (2003) Social Capital and Refugee Resettlement: The Social Networks of Refugees in Canada. *Journal of International Migration and Integration*, 4 (3): 335–360.
- Massey D, Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J. (1993) Theories of International Migration: A Review and Appraisal. *Population and Development Review*. 19 (3): 431–466.
- Massey D., Espana F. (1987) The Social Process of International Migration. *Science*, 237 (4816): 733–738.

Massey D. S. (1987) *Return to Aztlan: The Social Process of International Migration from Western Mexico. Studies in Demography 1*. Berkeley: University of California Press.

Mkrtchyan N. V. (2002) Desyatiletie vynuzhdennoy migratsii v Rossii [The decade of forced migration in Russia]. *Demoskop Weekly*, 71–72. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2002/071/tema01.php> (accessed 17 May 2020).

Mukomel V. (2017) Migration of Ukrainians to Russia in 2014–2015. Discourses and Perceptions of the Local Population. In: A. Pikulicka-Wilczewska, G. Uehling (eds.) *Migration and the Ukraine Crisis. A Two-Country Perspective*. Bristol: E-International relations publishing: 105–115.

Neflyasheva N. (2012) Siriyskie cherkesy i problema repatriatsii [Syrian Circassians and the Problem of Repatriation]. *Carnegie Moscow Center*. Available at: <https://bitly.su/mCg-mvvy> (accessed 1 February 2021).

Palmgren P. (2017) Survival and Integration: Kachin Social Networks and Refugee Management Regimes in Kuala Lumpur and Los Angeles. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 43 (13): 2247–2264.

Shami S. (1998) Circassian Encounters: The Self as Other and the Production of the Homeland in the North Caucasus. *Development and Change*, 29 (4): 617–646.

Varshaver E., Rocheva A. (2020) ‘Homeland-Rooted’ or Acquired in the Receiving Society: How Does the Composition of Migrants’ ‘Co-Ethnic’ Ties Affect Their Patterns of Integration? *Journal of International Migration and Integration*. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12134-019-00742-4>.

Zayonchkovskaya Zh.A., Vitkovskaya G. S. (2009) *Postsovetskie transformatsii: otrazhenie v migratsiyakh* [Post-Soviet Transformations: Reflection in Migration Flows]. Moscow: Adamant.